

СЛАВЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ЮЖНОЙ БЕССАРАБИИ (V – первая половина XIX ст.)

Людмила Мельникова

Южная Бессарабия с древнейших времен была регионом, где сталкивались интересы многих народов и государств. Нередко здесь решались судьбоносные вопросы не только жителей края, но и народов Ближнего Востока и Европы.

Историю этого региона творили представители славянской, эллинистической и восточной культур, кочевники и земледельцы, аборигены и мигранты. На протяжении веков здесь сложилась достаточно сложная этническая структура, специфические этнокультурные традиции.

Исследование архивных источников и опубликованных работ позволяет определить в долговременном процессе восточнославянской колонизации Южной Бессарабии три последовательных этапа: **I** (V–первая пол. XIV ст.) – времена великой славянской колонизации и вхождение этих земель в состав Киевского государства и Галицко-Волынского княжества; **II** (вторая пол. XV – конец XVIII ст.) – годы турецкого господства; **III** (конец XVIII – первая пол. XIX ст.) – период борьбы Турции и России за земли Северо-Западного Причерноморья.

Археологические раскопки и письменные источники свидетельствуют, что в IV–VII ст. землями приморской части междуречья Днестра и Дуная овладели племенами антов. Племенное государственное объединение антов – это отправной исторический период утверждения на этих землях юго-восточных славянских племен. Сопоставления письменных источников о славянах этого региона (карта римского географа Кастория (360 г.), Певтингеровы таблицы (конец III ст.), труды Иордана, Прокопия Кесарийского, Менандра, Феофилакты Симокатты и др.) с новыми археологическими разведками славянских древностей V ст. позволяют заполнить ту хронологическую

нишу, которая существовала в истории этого края в период между господством римлян и раннесредневековым временем славянства. Эти исследования в значительной мере подтверждают ранее выдвинутую гипотезу о том, что во времена великой славянской колонизации миграция «Север – Юг» была повторно-обратной. Славяне приходили в Подунавье путями, которыми их предки в свое время шли на Север и Северный Восток.

Юго-восточным славянским племенам принадлежала ведущая роль в овладении этого края. Здесь они положили начало хозяйственным и этнокультурным процессам, которые длительное время имели судьбоносное влияние на формирование и развитие полиэтнического населения края. Влияние славянства на все сферы общественной жизни в Подунавье значительно усилилось в период вхождения этих земель в состав Киевского государства и Галицко-Волынского княжества.

Славянская колонизация имела преимущественно мирный, земледельчески-скотоводческий характер. Сила и устойчивость ее заключалась также в том, что юго-восточные славяне постоянно берегли связь со своим этническим ядром, обеспечивали свою относительную целостность.

Археологические исследования 70–90-х годов XX ст. на юге Одесской области подтверждают, что славянская колонизация этого края была ведущей, однако не единственной. Имели место здесь элементы колонизации фракийской, греческой, римской, позже влахо-молдавской, что и обусловило достаточно сложную этническую структуру региона.

Уже в I ст. н.э. начались миграционные процессы славянского населения. Иногда тяжело определить причины этнических передвижений. У славян это были своеобразные демографические взрывы, связанные с перенаселением и поисками новых пространств, лучших мест поселения, полей, пастбищ, водоемов. Обуславливали эти миграции и внешние факторы – воинственное давление со стороны других этнических групп.

В канун вторжения готов, в низовье Днестра и Дуная сложилась сложная этническая ситуация. Происходило этническое смешивание разных народов, местного населения с мигрантами. Среди разнообразия взаимовлияний, перекрещивание первобытных культур в Поду-

наве выразительно прослеживается традиция земледельчески-скотоводческой, материальной и духовной культуры, связывающей местное население с населением земель, которые составили более позднее ядро формирования украинского этноса. Эта традиция выдержала испытание веков и сыграла важную роль в последующей истории Подунавья.

То, что доньше опубликовано о славянской колонизации на юге, в т.ч. в Северозападном Причерноморье – это интерпретация, перевод того, что почти сто лет назад сказал М. Грушевский, или его последователи. Следы славянского расселения на южном западе М. Грушевский видел в нашествии гуннов, в общей борьбе антов и гуннов против готов. “Гунны, – пишет он, – взяли Антов в оборону против Готов...”¹. Разделяя утверждение Иордана и Прокопия, Грушевский пишет, что анты жили вплоть до Днестра. Позже, где-то в VI ст., анты овладели низовьем междуречья Днестра и Дуная, где они бок о бок встретились с жителями Византийской империи.

Государство антов – это первая славянская государственная формация в IV–VII ст., население ее в значительной мере находилось в генетической связи с теперешним населением Украины. Современные исследователи пришли к выводу, что государственное объединение (союз племен) Антов в первой трети VI ст. приобрело наибольшее развитие, а поэтому и оказало решающее влияние на формирование населения Подунавья в это время². “Анты, – пишет Г. Грушевский, – в нашем материале сие полуденная часть восточной отрасли, то есть представители тех племен, которые образовали этнографическую целость, которую теперь зовём украинской”³.

Если факты дославянской истории Подунавья не вызывают существенных разногласий во взглядах большинства исследователей, то вопросы славянства на этой территории были и остаются предметом давних дискуссий. Невзирая на разнообразность концепций и гипотез о происхождении славян и их прародине, есть основания утверждать, что Подунавье сыграло важную роль в их ранней истории.

Языковед Г. Пивторак утверждает, что в конце III – в начале II тыс. до н.э. в Центральной и Западной Европе вероятно произошло разграничение между протогерманцами, с одной стороны и прабалтами и протославянами – с другой. Он разделяет мнение О. Н. Трубачева о том, что среднедунайский этноязыковый ареал можно считать

самой давней территорией праславянских племен⁴. Этнографы Ф. Климчук, Д. Мачинский, В. Шепелевич считают, что только эта гипотеза объясняет загадочное устремление славянских племен к Дунаю в эпоху Великого переселения народов и стойкую память о нем всех славянских народов⁵. Аналогичных взглядов придерживаются И. Г. Дьяконов, Л.Л. Железняк, И. И. Ляпушкин, А. И. Попов и др.

Одну из оригинальных гипотез выдвинул украинский археолог Ю. Шилов. Он считает, что прародиной славян является Подунавье, и связывает его с мифическим государством Араттой, центр которого позже переместился на Среднее Надднепровье. Ю. Шилов и А. Кифишин отождествляют Триполье с Араттой⁶. Достойны внимания в этом аспекте мнения известного археолога конца XIX – нач. XX ст. В. Хвойки, который связывал трипольскую культуру с культурами Балкано-Дунайского происхождения. Этот регион он считал восточной границей древнеаграрных цивилизаций⁷. На защиту концепции о расположении праиндоевропейского и праславянского ареалов в Подунавье выступали также В. Ф. Генинг и А.В. Десницкая.

Таким образом, все больше историков, археологов, этнологов, филологов склоняются к мысли, что миграция «Юг – Север» была в своё время важным историческим событием в жизни праславянских племен. Есть основания думать, что славяне, храня в памяти места предыдущего обитания, во времена великой славянской колонизации возвращались назад, на Юг, “ как некое подобие реконкисты, обратного завоевания, побуждаемого памятью о реальном былом житье славян на Дунае ”⁸.

На вопрос о месте прародины славян пытался ответить, как известно, летописец Нестор. В “Повести временных лет” он отметил, что самыми давними славянскими землями были нижнее течение Дуная и Паннония. Отсюда, по его мнению, началось расселение славян⁹. Есть основания считать, что в рассказе летописца совместились разные по времени миграционные потоки славянства: давняя Дунайская и более поздняя Днепровская. Нестор видел корень славянства в “племени Афетову” и вел речь о “долгих временах”.

Теория дунайской прародины славян, как известно, отрицалась исторической наукой новейшего времени, однако никогда окончательно не отбрасывалась, хотя бы потому, что есть немало аргументов в ее

защиту. Где взялся тот могучий пласт славянской культуры на Балканах, который был грунтом ассимиляции пришлых из Надволжья болгар и других народов Балканского полуострова? Наверно, не случайно князь Святослав считал Подунавье центром своей земли. В своих нелегких походах на дунайские земли он видел залог своей всеславянской миссии, и поэтому ценил эти походы больше, чем другие¹⁰. Наконец, это могучее влияние славянского языка на языки соседних народов. Румынский язык имеет романскую морфологически – фонетическую основу, а что касается лексики, то она на 40% заимствована из славянских языков¹¹.

Многие исследователи, отрицая дунайскую прародину славян, указывают на то, что Нестор не называет ни одного славянского племени на Дунае. Однако это не совсем так. Кроме “дунайцев”, он называет еще “норцев, что суть славены”¹². Возможно, некоторое время так назывались славяне этого региона. Понятно, что этого недостаточно для обоснования дунайской прародины славян. Однако, бесспорным остается тот факт, что Подунавье играло важную роль в формировании славянского этноса и что население этого региона было преимущественно славянским.

Дунайскую концепцию происхождения и расселения из этого региона славянства разделяли российские историки XIX ст. С. М. Соловьёв и В. О. Ключевский, чешский ученый П. И. Шафарик, современные исследователи С. П. Толстов, В. П. Кобычев. Таких же взглядов придерживаются югославские археологи С. Зокович, В. Трбухович и лингвист М. Будимир, американский историк-славист Яков Бачич.

Польский археолог В. Хенсель в труде “Откуда пришли славяне”¹³ рассматривает дунайский регион славянства как источник заселения польских земель. Автор говорит не только о пребывании славян на Дунае, но и отмечает необходимость возрождения концепции дунайской прародины славян.

Можно соглашаться или не соглашаться с утверждениями вышеупомянутых авторов, однако отбрасывать теорию дунайской прародины славян не следует. Есть все основания для последующих научных исследований. В частности, вызывает интерес утверждения этнографа А. Пономарёва, который считает, что этногенез славян не следует связывать с каким-то одним, тем более единственным центром. Он пред-

ставляет собой своеобразные этнические вспышки в разные времена, на большом массиве родственных племен¹⁴.

Заметным явлением в исследовании славянского этногенеза стала реконструкция украинскими археологами-славистами в 80–90-х годах XX ст. схемы эволюции протославян – преемственности в развитии зарубинецкой, черняховской, пражской, пеньковской, лукирайковецкой и др. археологических культур. В ареале этих культур находилось и Подунавье. Здесь проходила граница общения римской провинциальной и собственно славянских культур.

По свидетельству археологов, в III ст. н.э. на значительной территории Украины, Молдовы, Румынии, Польши сформировалась черняховская культура. Этническая принадлежность племен черняховской культуры вызывает и доныне споры. Например, М. Брайчевский отождествляет носителей черняховской культуры с антами и склавенами¹⁵. На славянские элементы в черняховской культуре указывает Е. Рыкман¹⁶.

Если для Г. С. Грушевского, Б. О. Рыбакова и Г. Ю. Брайчевского черняховскими памятниками являются лишь те, которые связываются с антами, то для П. М. Третьякова, В. В. Седова, В. Д. Барана и О. В. Авакумова черняховская культура является полиэтническим образованием на северо-восточной территории позднеантичной цивилизации.

В Буджакской степи исследованы могильники, которые принадлежат к черняховской культуре: Беленькое, Фурмановка, Приморское, Виноградовка, Холмское, Нагорное, Мирное, Дракуля, Утконосовка, Главаны. В приморской части междуречья Днестра и Дуная открыта группа памятников позднеримского времени. На берегах озер Катлабуг и Китай их насчитывается свыше 120. По ряду признаков (керамика, захоронение, жилище) они отличаются от синхронных с ними черняховских древностей Днестро-Прутского междуречья.

По мнению известного чешского историка-слависта Л. Нидерле, славяне достигали Дуная уже в I–II ст. н. э., во всяком случае, отдельных районов Подунавья. На этот счет он писал: “...постоянное переселение северных народов из Прикарпатья к Дунаю в I–V вв. является само по себе, даже при отсутствии в истории непосредственных упоминаний

о славянах, убедительным априорным доказательством того, что движение славян из Прикарпатья началось задолго до V в. ”¹⁷.

Письменное упоминание о славянах-венетах на Дунае впервые встречается в трудах римского географа Кастория. В 360 году н.э. он составил детальную карту этой местности с обозначением славянских поселений. К ранним письменным источникам, которые содержат сведения о славянах в низовье Днестра и Дуная, принадлежат также Певтингеровы таблицы – дорожная карта путей Римской империи, датированная скорее всего концом III ст. На карте славяне-венеды показаны рядом с сарматами, гепидами, даками, гетами и другими этническими общностями. Под названием “венеды”, вероятно, понимался в те часы весь славянский массив.

В 80-е годы XX ст. украинские и молдавские археологи выявили в междуречье Нижнего Днестра и Дуная археологические находки III - V ст. типа Этулии, по характеру жилищного строительства, обряда захоронения и керамики близкие к синхронным славянским памятникам Верхнего и Среднего Поднестровья. С учётом данных открытий, карта Певтингера приобретает особенную ценность, ведь в ней содержится подтвержденное археологически самое давнее известие о заселении славянами-венетами в III–IV в. региона между Нижним Днестром и Дунаем.

Более поздние источники о славянах этого региона датируются первой половиной VI ст. Византийские авторы уделяют славянам много внимания. В VI ст. славяне становятся одним из главных этносов в Подунавье. Об антах и склавенах того времени пишут много авторов: Прокопий Кесарийский, Агафий, Менандр, Псевдомаврикий, Феофилакт Симокатта, Иордан, Иоанн Эфесский, Феофан и другие. Однако, самые широкие и самые ценные свидетельства о них находим у Иордана, Прокопия Кесарийского и Феофилакта Симокатты. Иордан, определяя взаимосвязи венетов с антами и склавенами, писал: “Эти (венеты), как мы рассказывали в начале нашего изложения, – именно при перечислении племен, – происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавинов”¹⁸.

Отдельные исследователи относили сообщение Иордана, Прокопия и других авторов об антах лишь к VI ст. н.э. Такая мысль лишена аргументированной основы, поскольку Иордан вспоминал антов не

только в контексте истории славян VI ст., но и в связи с событиями IV ст. н.э. Это означает, что население Днестро-Дунайского междуречья и прилегающих к ним районов в III ст. н.э. следует связывать с ранним этапом истории антов. Если Иордан вспоминал, что южнее Днестра селились лишь скламены, а Прокопий называл скламенов и антов, то это, достовернее всего, воспроизводит два близких по времени, но разных по этапности периода расселения славянских племен на юге. Так же понимал этот вопрос В. П. Петров¹⁹.

Археологические материалы не только подтверждают, но и уточняют данные письменных источников о славянах Северного Подунавья. Собственно они и позволяют отнести начало заселения славянами этого региона к гунскому периоду, не отрицая возможность их проникновения на эти земли и в первой половине I тыс. н.э. Расселение славян в Подунавье было длительным и в основном мирным.

Славяне в Подунавье испытали влияние также со стороны соседнего гето-дакийского этноса. Однако они сберегли свое этническое лицо и остались доминирующим компонентом на этих землях. На протяжении 558–568 гг. орды аваров прошли через степной коридор в низовье Дуная к Трансильвании, где образовали свое примитивное государство – каганат. Началась полоса славяно-аварских военных конфликтов. Скламены попали под аварскую зависимость, анты, которые действовали в союзе с греками, некоторое время защищали свою независимость.

В конце VI – в начале VII ст. Восточно-Римская империя под давлением авар и славян теряет владение на Балканах. Дунай как граница империи с территорией “варваров” в последний раз упоминается в договоре от 601 года императора Маврикия с аварами²⁰. Приблизительно тогда же исчезают со страниц византийской хроники названия городов и крепостей северной границы империи.

В конце VII ст. в Нижнем Подунавье появились болгары во главе с Аспарухом. Покорив местных славян, они образовали здесь новое государство – Первое Болгарское царство, которое существовало до 1019 года.

Общественный строй славян Подунавья того времени отражал черты переходного этапа от родового строя к классовому обществу. В начале VII ст. здесь образовался “союз семи племен” и объединение

“Северов”. Последнее занимало территорию Нижнего Подунавья и получило название “Огрос”. После отхода Аспаруха из “Огроса”, местные славяне продолжают здесь жить, о чем свидетельствуют их многочисленные поселения, выявленные археологами южнее Нижнего Троянового вала²¹.

Следовательно, в середине I тыс. н.э. славяне Подунавья активно участвуют в Великом переселении народов и овладении всё новых территорий. Этнические процессы происходили в Подунавье при условиях количественного преимущества славянского этнического компонента над иранским и фракийским.

Стоит согласиться с мнением Ю. В. Павленка, который утверждает, что непосредственными потомками антов были не только киевские поляны и днепровские росы, но и уличи, бужаны и тиверцы. Он пишет, что “вполне достоверно, что не только росомоны – русы, но и уличи и тиверцы уже во второй четверти I тыс. были отдельными этнополитическими объединениями, что в середине этого самого тысячелетия они входили в состав конфедерации антов, где ведущая роль принадлежала полянам”²².

Археологические разведки новейшего времени в приморской территории Днестро-Дунайского междуречья подтверждают многочисленные старославянские поселения. Одним из первых в 1949 году было исследовано поселение возле с. Глубокое Татарбунарского района. Планомерное систематическое изучение славянских древностей на территории Молдовы и Южной Бессарабии было начато в 1950 году работами Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции, а с 1970 года и Днестровской экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории АН МССР. За это время открыты сотни разных славянских древностей, на десятках из них были проведены раскопки.

В 1957 и 1968 годах археолог Г. Б. Федоров исследовал поселение возле с. Криничное Болградского района. В радиусе 10 км от поселка Криничное были открыты еще шесть южно-славянских поселений. В это же время были открыты пять поселений возле с. Владычень на западном берегу озера Ялпуг и возле с. Виноградовка Болградского района. Молдавская экспедиция в 1962–1963 годах на северо-восточном берегу оз. Ялпуг возле г. Болград выявила остатки пяти полуземлянок

с каменными печами. Древние славянские памятники были найдены Дунайской экспедицией Института археологии АН УССР в 1964 году под руководством Г. М. Шмаглия возле сел Ташбунары, Утконосовка, Богатое и др. В результате археологических разведок, проведенных в 1968 г. по берегам оз. Кагул и р. Карасулак, выявлено 16 поселений славян IX–X ст.

В 1965 году были проведены раскопки поселения возле с. Сафьяны Измаильского района, в котором были найдены славянские жилища, средневековые керамические изделия. В 1969 году были открыты поселения на западном берегу оз. Кагул возле с. Кирган и на берегах оз. Китай. В 1976 году на восточном берегу оз. Катлабух возле с. Кислица было открыто средневековое жилище – полуземлянка славянского типа.

Значительный вклад в изучение славянских древностей на юге Одесской области был сделан сотрудниками Днестро-Дунайской экспедиции Института археологии АН УССР, которые (1980–1984 гг.) исследовали 73 средневековых славянских поселения. Свод этих поселений на юге Одесской области сделал Г. Ф. Чеботаренко²³. Доминирующей в этой сводке является мысль, что в конце I тыс. в Северо-Западном Причерноморье преобладала славянская культура.

Г. Б. Федоров, В. М. Негруша, Г. Ф. Чеботаренко доказывают беспочвенность взглядов тех румынских археологов, которые квалифицируют балкано-дунайскую культуру как проторумынскую. С. О. Плетнёва рассматривает балкано-дунайскую культуру как один из вариантов салтово-маяцкой культуры. На ее взгляд, эта культура образовалась в процессе перехода кочевников к оседлой жизни и их слияния с земледельческими народами. Вследствие этого она приобрела общий южнославянский вид Северо-Западного Причерноморья. Эту точку зрения разделяют археологи Л. В. Субботин и И. Т. Черняков.

До образования Киевского государства на территории Подунавья жили славянские племена тиверцев и уличей, которых еще называют “подунайцами”. В “Повести временных лет” читаем: “... а уличи и тиверцы сядяху ибо по Днестру, присядяху к Дунаеви”²⁴. Низовье междуречья Днестра и Дуная в это время принадлежало тиверцам. Есть утверждение, что тиверцы ранее всех восточнославянских племен приняли христианство.

Слово “тиверцы” имеет чисто славянское звучание и находит свое объяснение в славянском, в частности в древнерусском языке. “Твердь” на этом языке означает укрепление, укрепленное поселение, что логически выплывает из многих прямых свидетельств летописных текстов²⁵. Возможно, этноним “тиверцы” связан с названием Днестра – Тирас, то есть тиверцы – это днестряне²⁶.

В 912–972 годах (при киевских князьях Игоре, Ольге и Святославе) Придунайские земли были присоединены к Киевскому государству. В 944 году тиверцы принимали участие в византийском походе князя Игоря. Обеспечивая выход Руси к черноморским рынкам, Святослав в 968 году принял участие в борьбе Византии с Болгарским царством. Заняв ряд городов на Дунае и укрепившись в Переяславце, он пытался превратить его в центр древнерусских земель. Киевское государство, которое достигло зенита своего развития при князьях Владимире Великом (978–1015 гг.) и Ярославе Мудром (1019–1054 гг.), оказало благотворное влияние на подунайские земли, находившиеся в его составе. Есть предположение, что еще киевский князь Кий бывал на берегах Дуная и заложил здесь город Киевец (Жилия)²⁷.

В X ст. Причерноморская степь была занята печенегами, а затем и половцами (куманами). По экономическому строю и социальным отношениям эти племена тюрков мало чем отличались от своих предшественников – гуннов, авар, венгров. Куманы образовали две орды: Белую – с центром на р. Дон и Черную, которая занимала земли между Днепром и Дунаем. Отсюда они осуществляли свои грабительские набеги на земли Киевской Руси и Византии. Во второй половине XII ст. половцы создали в Придунавье государственное объединение под названием “Придунайская Кумания”, в результате чего было уничтожено свыше 20 славянских поселений²⁸.

Под давлением печенегов и половцев исчезли с политического горизонта племенные объединения уличей и тиверцев. Значительная часть их перешла на север (к границам Галицкого княжества) и за Дунай. Лишь за княжение Владимира Мономаха (1113–1125 гг.) Днестровско-Дунайское низовье опять отошло к Киевскому государству. В 1116 году великий киевский князь Владимир Мономах разбил половцев и отбросил их далеко от русских границ. На Дунай он послал своего сына Вячеслава, воевод Ивана Войтишича и Тому Ратибо-

ровича, которые укрепляли здесь княжескую власть. Киевские князья придавали большое значение Дунайско-Днестровскому краю. Здесь, на Дунае, проходили важные торговые пути.

В конце XII – в начале XIII ст. усиливается Галицко-Волынское княжество. Дунайско-Днестровские земли вошли в его состав. Однако борьба за междуречье Дуная и Днестра не прекращалась. Это была борьба не только за природно богатый край, но и за выход к устью Дуная и Черному морю. Эта борьба закончилась в пользу галицких князей. Власть Ярослава Осмомысла на эти земли была признана князьями черниговскими, смоленскими, волынскими, а также иностранными государствами – Венгрией и Польшей.

Древние летописи свидетельствуют, что большая территория Галицко-Волынского княжества в это время включала не только города Полесья, но и поселения на Дунае. Среди последних называются города Килия, Смил, Галич (Галац) и другие.

В XIII – первой половине XIV ст. причерноморские земли междуречья Днестра и Дуная находились в зоне монголо-татарских завоевателей. Монголо-татарское нашествие существенно повлияло на этническую ситуацию в Южной Бессарабии. Часть славян вынуждена была переместиться на север, ближе к лесным массивам. Восточнославянская колонизация в этот край заметно сокращается. Однако основной этнический массив сохранился. Местное население преобладало в приморской зоне междуречья Днестра и Дуная, татары овладели Буджакской степью.

Возвращаясь из Центральной Европы, воины хана Ногая расселились на территории Нижнедунайской низменности и Буджакской степи, захватили Килию и покорили местных кипчаков. Они образовали в Подунавье отдельное государственное объединение, которое составляло западную часть улуса. Ставка Ногая достовернее всего находилась в Сакджи (Исакча). Отсюда монголо-татары осуществляли грабительские походы на Византию и Болгарию. Ногайская орда просуществовала почти пятьдесят лет. В 1300 году хан Золотой Орды Токта захватил ее. Потомки Ногая переселились на левобережье низовья Днестра и жили там до второй трети XV ст.

После ликвидации Ногайской орды Золотая Орда овладела Пруто-Днестровским междуречьем. Югозападная граница Золотой

Орды проходила по Днестру. Однако значительная часть населения междуречья Днестра и Дуная вынуждена была определенное время платить дань ордынским ханам. Вторжение монголо-татар на некоторое время остановило посягательство на эти земли Венгрии и Болгарского царства. Слабость военно-политического контроля над прежними владениями Ногая дала возможность галицко-волынским князьям вернуть ранее отмежеванные западно-днестровские земли. Золотая Орда на некоторое время согласилась с таким положением.

В конце 30-х гг. XIV ст. усиливается экспансия Золотой Орды на днестровско-карпатские земли. Во времена правления хана Узбека (1312–1342 гг.) ее влияние расширилось до Дуная и Серета²⁹. В 1337 году ордынцы захватили город Вичину в устье Дуная. В “Итинерарии” Антония Усодимаре отмечалось, что империя Узбека начиналась “ в провинции Болгария, а именно в городе Вичина ”(располагалось где-то в районе современного Измаила). Со слов купца Бедреддина Хасана Эрруми, персидский историк Эломари перечислял Дунай и Днестр среди рек Золотой Орды, а среди городов – Аккерман. На карте итальянца Дулкерта (1339 г.) “Татрария”, расположенная к северу от Дуная, включала г. Вичина, устье Днестра и южные днестровско-карпатские земли³⁰.

В первой половине XIV ст. начинается вытеснение монголо-татар с Подунавья. В первом десятилетии этого века территория Буджакских степей очутилась на короткое время под властью болгарского царя Федора Святослава³¹. Эти земли были подарены ханом Золотой Орды Токтою Болгарскому царству за помощь в борьбе с Ногайской ордой. В хронике 1328 года говорится, что на севере от Дуная население “разговаривает и вероисповедует ту же самую религию, что и болгары”³².

На середину XIV ст. приходится начало распада Золотой Орды. С этого времени феодальные государства Венгрия, Молдова и Литва начинают активное наступление на подунайские земли. В 1340-х годах венгры получили победу над монголо-татарами под руководством Андрея Лакци. Монголо-татары были вытеснены из Буджака, Венгрия временно распространила свою власть на Нижнее Подунавье. Во времена венгерской оккупации города юга Бессарабии приходили в упадок, жителей уничтожала эпидемия чумы. Золотая Орда сохраняла власть лишь в Килие и Белгороде.

Население региона в эти времена оставалось многоэтничным. Кроме ордынцев, которые состояли из разных племен, жили здесь торко-аланы, печенеги, торки, кипчаки и другие. В первой половине XIV ст. Буджак оставался кипчакским этническим центром. Хроника сообщает, что в 1346 году Карабуна была резиденцией бессарабского князя Балли-хана.

В 60-х гг. XIV ст. Молдавское княжество вместе с Великим княжеством Литовским вытеснили значительную часть монголо-татар с Северозападного Причерноморья. Сокрушительный удар по Орде нанесли объединенные литовско-русские и молдавские войска во главе с великим князем литовским Ольгердом на Синих водах в 1362 году³³. Во время этой битвы были разгромлены войска трех татарских ханов – Кутлугбуги, Хаджибея и Дмитрия. После поражения на Синих водах часть золотоордынцев отошла к устью Дуная, другие – в Пруто-Днестровское междуречье. Существует версия, что владения хана Дмитрия несколько лет находились в Буджаке, в районе Белгорода, или в Старом Орхее (Молдова). Под давлением литовских войск орда оставила южную часть Бессарабии, отошла в Добруджу. В 1396 году объединенные литовско-русские войска вытеснили остатки монголо-татарских войск из Северного Причерноморья. Часть золотоордынского населения оставалась в Белгороде. Так закончилось полутора-столетнее золотоордынское господство в Подунавье.

Турецкая оккупация на длительное время резко сократила восточнославянскую колонизацию в низовье Днестра и Дуная. Приток беглецов из центральных украинских земель усилился после Люблинской унии (в 1569 г.). Турецкое иго для многих из них не было хуже магнатско-польского на родной земле. Основной поток переселенцев в эти времена был направлен к молдавскому княжеству, где существовало так называемое “молдавское право” – крестьяне выполняли повинности преимущественно в интересах государства. В молдавские и турецкие владения убежали участники казацко-крестьянских восстаний в Украине конца XVI - нач. XVII ст., позже – участники восстания 1702–1704 годов на Правобережной Украине, а впоследствии – гайдамаки.

Долговременное турецкое господство разрушало, а кое-где и свело на нет те хозяйственно-культурные процессы, которые положили

начало на этих землях славянские племена. Украинцы как этнос были обессилены, обескровлены, оторваны от основного этнического ядра. В его этнокультурную среду вошли группы людей иного происхождения.

Низовье Днестра и Дуная к началу XIX ст. принадлежало непосредственно турецкой администрации. Главными опорными пунктами здесь были Бендеры, Аккерман, Килия, Измаил. В 1808 году в форштадте Аккермана насчитывалось 476 домов (334 хозяйства), в форштадте Бендеры – 369 домов (331 хозяйство), в форштадте Килии – 138 домов³⁴. Турецкое правительство рассматривало эти города как военные-стратегические пункты в борьбе с Россией и заботилось лишь об их военном укреплении. В крепостях размещались большие турецкие военные гарнизоны во главе с пашами, которые осуществляли одновременно и административное управление граничащими с городами районами – райями.

Население рай состояло в городах из греков, армян, украинцев, русских, частично болгар, в поселениях преобладали украинцы, русские, молдаване. Вся земля в районах считалась собственностью султана и предоставлялась турецким чиновникам временно на период службы. Последние часто отдавали ее на откуп. Местное население вынуждено было работать на турецких землевладельцев – займов, и платить большие налоги, которых насчитывалось свыше 15 разновидностей.

На начало XVIII ст. почти совсем исчезают древние молдавские и украинские боярские семьи военного происхождения. Их место занимают новые константинопольские богачи – греки, которые скупают земли и образуют новые латифундии. Разрушается резешское землевладение (резеш – свободный крестьянин, обладатель унаследованной земельной собственности). Вместе с увеличением помещичьего землевладения растет и землевладение монастырское.

Свыше трёх веков Южная Бессарабия находилась под турецкой неволей. Постоянные войны, ограбление, голод, эпидемии разоряли и опустошали край, в следствие чего хозяйственная и культурная жизнь приходила в упадок. Летописцы и путешественники тех времен замечали чрезвычайную бедность местных крестьян. В частности, немецкий барон Тодт, путешествуя по Молдавии в 1760 году писал об ужасных порядках, которые властвовали в стране: “Мы разместились в

одном небольшом поселке, жители которого немедленно должны были дать нам продукты питания. Им за это ничего не заплатили, за исключением нескольких ударов... Поселения, которые встречались нам по пути были полуразрушены, поля запущенные, не обработанные, население везде ужасно нищее; да и как же ему быть богатым, когда оно живет в постоянном страхе... Его грабят также и собственные молдавские князья”³⁵.

Генерал-майор Катаржи, который в 1807 году принял управление прежними турецкими райями в Буджаке, писал генералу И. Михельсону: “Жители всех отмеченных поселений проводили полевые работы в интересах займов, платили им десятину с хлеба и другого, а в казну Порты собирали с них по 3,5 лева”.

Произволу турецкой администрации не было границ. Ни собственность на имущество, ни сама жизнь жителей не гарантировалась никаким законодательством. Австрийский купец Г. Клеман, который посетил Килию в 1768 году, рассказывал о безобразиях турецких солдат: “...рассеялись по улицам, стреляя из ружей и пистолей, и грабили все, что только не попадало к их рукам; они забирали из магазинов все, что им было нужно”³⁶.

Турецкая система управления Буджакской степью и низовьем Дуная вела, таким образом, к упадку социально-экономической жизни края, к консервированию здесь старой феодальной системы, искусственно задерживала развитие капиталистических отношений.

Турецкое господство привело к значительным изменениям в этническом составе населения этого края. Могучий славянский элемент на этих землях, постоянное стремление славянских народов к сближению со славянскими государствами Европы были серьезным препятствием турецкой экспансии в Европу. Для устранения этого препятствия Турция пыталась заселить подчиненные ей территории другими народами. Преимущество предоставлялось валахам, которые жили в горных районах Болгарии и Трансильвании, грекам, ногайцам, татарам. Одновременно Турция делала все возможное, чтобы разорвать вековую связь со славянскими митрополиями Галичины, Украины, Болгарии и укрепить их зависимость от Константинопольской патриархии. Уместно отметить, что во второй половине XVII и в начале XVIII ст. в молдавско-валашских княжествах формируется государство румынского типа, пропитанное отвращением ко всему славянскому.

Украинские казаки были основной силой завершающего этапа восточнославянской колонизации земель Южной Бессарабии. Именно здесь были созданы Задунайское, Усть-Дунайское (Буджакское) и Дунайское (Новороссийское) казаческие формирования. Казаки этих формирований учредили в Подунавье свыше 30 поселений.

Казачко-крестьянскую колонизацию края этого времени можно условно разделить на два периода: **I** – конец XVIII ст. – до русско-турецкой войны 1806–1812 лет, **II** – русско-турецкая война 1806–1812 годов – до конца первой пол. XIX ст. Первый период этой колонизации был связан с ликвидацией Запорожской Сечи, Гетманщины и автономных прав Украины со стороны российского царизма. В турецкие владения переселилась значительная часть запорожских казаков, а под их прикрытием — закрепощенные крестьяне. Во втором периоде официальная колонизация края соединялась со стихийной, вынужденной. Царское правительство маневрировало между помещиками, которые требовали возвращения крепостных беглецов, и необходимостью освоить малозаселенные южно-бессарабские земли для последующей экспансии на Балканы.

Понятно, что история народной колонизации, в противовес правительственной, официальной, отображена в документах фрагментарно и эпизодически. Беглецы за Днестр и на Дунай, как правило, скрывали свое предыдущее и новое место пребывания, а поэтому военная и пограничная администрация не могли иметь достаточной информации. К тому же ни украинские, ни молдавские историки не уделяли надлежащего внимания изучению процессов заселения Придунайских степей до 1812 года.

Во время русско-турецкой войны 1768–1774 годов в Запрутскую Молдову, за Днестр и Дунай убегают, спасаясь от крепостной неволи, украинские и русские крестьяне, солдаты, участники гайдамацкого движения. После уничтожения Запорожской Сечи, за Днестром и Дунаем оказались многие запорожские казаки. После русско-турецкой войны 1787–1791 годов народная колонизация Заднестровья, Буджакской степи и низовьев Дуная усиливается за счет черноморских казаков, которые отказались переселиться на Кубань, крепостных крестьян из западных и центральных украинских земель. Значительными были побег крестьян из Подольской и Волынской губерний. Для

перехода границы крестьяне объединялись в большие группы, нередко вступая в вооруженные столкновения с пограничной охраной.

На местах своего нового поселения украинские и русские поселенцы занимались рыболовством, скотоводством, земледелием, работали на соляных промыслах, чумаковали, нанимались на разные поденные работы. Поселенцы, которые осели возле крепостей Аккерман, Измаил, Бендеры, возле Вилково, Килии, Рени, Галаца занимались также ремеслом и мелкой торговлей.

Как известно, в Молдове и в турецких владениях этого края не было таких жестких форм крепостной зависимости, как в Российской империи. Убегая на эти земли, крестьяне надеялись избежать крепостничества. Однако надежды на свободную жизнь для большинства из них оказывались напрасными. Беглецы попадали в “подданство” к турецким феодалам или на работы по найму к местным богатым. Не лучше было и положение населения, которое попадало под власть молдавско-валашских чиновников. Они вынуждены были платить многочисленные налоги: “бира” – подушная подать, “гоштына” – пошлина из овец, “десятина” – пошлина с пчеловодства, “киница” – сбор из рога-того скота и коней, “арабаджа” – сбор с подвод, налог от производства вина, рыбной ловли и другие.

Особенно тяжелым было положение украинского и русского населения в Буджаке, где продолжали господствовать татары. Жизнь и имущество поселенцев в этой местности не гарантировались никаким законодательством и зависели лишь от доброй воли того или иного татарского феодала.

Турецкое правительство, надеясь использовать казаков в борьбе против России, в 1778 году принимает казаков под свое подданство, выделяет казакам под Сечь остров Святого Юрия, Сулинское и Катирлезское (Георгиевское) устья Дуная. Здесь казаки и учредили свой Кош. Султан утвердил их вольности. За своим укладом “Задунайская Сечь” напоминала Запорожскую: все войско было разделено на 38 куреней, которые имели те же самые названия. Во главе Сечи стоял кошевой атаман, которому султан дал одинаковые права с хозяевами Молдовы и Валахии.

В поселениях, которые входили в казаческую райю (административный район), действовало казаческое судопроизводство. Турецкая

администрация во внутреннюю жизнь казаков не вмешивалась. Казаки, которые жили на землях Сечи, освобождались от налогов с земледелия, скотоводства и рыболовства. Турецкое правительство платило задунайским казакам “кормовые деньги”. Административно Задунайская Сечь была подведомственна браильскому визирю. Войско Сечи состояло из пехоты, конницы, флотилии с артиллерией.

Вновь созданная Задунайская Сечь стала пристанищем для наиболее энергичных представителей украинского народа, недовольных крепостничеством и угнетающими российскими порядками. Чтобы пополнить свои ряды, задунайцы отправляли в Россию и в Украину эмиссаров, что увеличивало поток эмигрантов в Заднестровье и на Дунай. Тропинками запорожских казаков шли в турецкие владения крепостные крестьяне, государственные крестьяне, мещане, рекруты и солдаты. Это обуславливалось разными факторами. Переход крестьян за Днестр, в Буджакские степи усилился после ревизии 1795 года, которая закрепляла крестьян за помещиками, и указа 1796 года о закреплении свободного перехода крестьян от помещиков в южных губерниях России.

Особенно увеличилось число украинцев и русских в Буджакской степи и низовье Дуная в 1804–1805 гг., когда задунайские запорожцы получили от султанского правительства разрешение селиться “по ордам татарским” в округах Килийском и Аккерманском.

Появление значительных масс задунайских запорожцев непосредственно на российской днестровской границе вызвало новую волну народной эмиграции в Буджакскую степь. Невзирая на то, что российское правительство делало все возможное, чтобы привлечь задунайцев на свою сторону, в 1805–1806 гг. к Одессе и Севастополю прибыли лишь несколько казаков.

Следовательно, казаческо-крестьянская колонизация Буджакской степи и низовья Дуная в конце XVIII – в начале XIX ст. была вынужденной или стихийной. Главная роль в славянско-украинской колонизации низовья междуречья Днестра и Дуная этого времени принадлежала украинскому казачеству.

В конце 30-х годов XIX ст. в Бессарабии повсеместно была внедрена царская система управления. Началось засилье царских чиновников, сплошная русификация. Царское правительство пыталось соз-

дать в Бессарабии надежную социальную опору в лице богатых иностранных колонистов. Усиления социального и национального гнета изменили отношение местного населения к царской власти, к России на худшее. Многие жители края самовольно переместились на территорию Молдовы.

Иностранные колонисты смотрели на подунайские земли, как на место, где можно было организовать зажиточное хозяйство. Значительные льготы, лучшие земли получили колонисты из Западной Европы – французы и немцы. За землю и другие льготы они были благодарны царской России, а интересы местного люда (украинцев, русских, молдаван) и его этнокультурные традиции были им чужды.

Однако невзирая на все неурядицы, каждая из этнических групп сберегла свой язык, этническую самобытность. Наиболее полно она сохранилась в сфере семейно-бытовых отношений, обрядности, верованиях и других видах традиционно-бытовой культуры. Это великое благо, и его нужно в полной мере использовать в построении суверенной Украины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грушевський М. С. Історія України – Руси: В 11 т., 12 кн. – Т. 1. – До початку ХІ віка. – К., 1991. – С. 166.

² Борисенко В. Й. Курс української історії: 3 найдавніших часів до ХХ ст. – К., 1996. – С. 32.

³ Грушевський М. С. Історія України – Руси: В 11 т., 12 кн. – Т. 1. – До початку ХІ віка. – К., 1991. – С. 176–177.

⁴ Півторак І. Українці: звідки ми і наша мова. – К., 1993. – С. 40; Трубачев О. Н. Етногенез и культура древнейших славян. – М., 1991. – С. 35–36.

⁵ Климчук Ф. Д., Шепелевич В. В. “Дунай” в традиционном фольклоре двух деревень Надъясельдья // Этногенез белоруссов. - Минск, 1973. – С. 211–214; Мачинский Д. А. “Дунай” русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. – Л., 1981. – С. 116–117.

⁶ Шилов Ю. Індоевропейсько-семітсько-картвельські зв'язки Наддніпрянщини // Укр. світ. – 1994. – № 3-4. – С.14; Шилов Ю. Прародина ариев. – К., 1995. – С. 37.

- ⁷ **Бурдо Н.** Трипільська культура – відкриття і дослідження // Укр. світ. – 1994. – № 3–4. – С. 13.
- ⁸ **Трубачев О. Н.** Этногенез и культура древнейших славян. – М., 1991. – С. 106.
- ⁹ **Повѣсть** врем'яних лѣт. – К., 1990. – С.10–13.
- ¹⁰ Там же. – С. 10–11.
- ¹¹ **Етнографія** України. – Львів, 1994. – С. 29–30.
- ¹² **Повѣсть** врем'яних лѣт. – К., 1990. – С. 10.
- ¹³ **Hensel W.** Skad przyszli Slowianie? // Z otchłani wiekow L I. – 1985. – № 3–4. – S. 177–178.
- ¹⁴ **Пономарьов А.** Українська етнографія. – К., 1994. – С.102.
- ¹⁵ **Брайчевський М.** Конспект історії України. – К., 1993. – С. 34.
- ¹⁶ **Рикман Э. А.** Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых вв. н. э. – М., 1975. – С. 328.
- ¹⁷ **Нидерле Л.** Славянские древности. – М., 1956. – С. 52.
- ¹⁸ **Иордан.** О происхождении и деяниях гетов. – М., 1960. – С. 90.
- ¹⁹ **Петров В. П.** Этногенез славян. – К., 1972. – С. 27–28.
- ²⁰ **Феофилакт Симокатта.** История. – М., 1957. – С. 19, 143–158, 168.
- ²¹ **Субботин Л. В.** Трояновы валы // Историческое краеведение Одесщины. – Одесса, 1992. – Вып. 2. – С. 25–31.
- ²² **Павленко Ю. В.** Передісторія давніх русів у світовому контексті. – К., 1994. – С. 287, 299.
- ²³ **Чеботаренко Г.Ф.** Материалы к археологической карте памятников VIII–X вв. южной части Пруто-Днестровского междуречья // Далекое прошлое Молдавии. – Кишинев, 1969. – С. 211–226.
- ²⁴ **Повесть** временных лет. – М., Л., 1950. – Ч. 1. – С. 14.
- ²⁵ **Федоров Г. Б.** Древние славяне в Прутско-Днестровском междуречье. – М., 1966. – С. 11.
- ²⁶ **Шахматов А. А.** Древнейшие судьбы русского племени. – Пг., 1919. – С. 31.
- ²⁷ **Павленко Ю. В.** Передісторія давніх русів у світовому контексті. – К., 1994. – С. 284–285.
- ²⁸ **Боечко В.** Северная Буковина и Придунавье – исконная территория Украины // Политика и время. – 1992. – № 5. – С. 47–48.
- ²⁹ **Руссев Н. Д.** О западных пределах Золотой Орды // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. – К., 1982. – С.44.
- ³⁰ **Параска П. Ф.** Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. – Кишинев, 1981. – С. 72.

³¹ **Федоров-Давыдов Г. А.** Общественный строй кочевников в средневековую эпоху // Вопросы истории. – 1976. – № 8. – С. 39-40.

³² **Паламарчук С. В.** Истоки. Древняя и средневековая история населения междуречья Днестра и Дуная. – Одесса, 1977. – С. 37.

³³ **Абызова Е. Н., Бырня П. П., Нудельман А. А.** Древности Старого Орхоя. Золотоордынский период. – Кишинев, 1981. – С. 98.

³⁴ **Халиппа П. Н.** Описание архива гг. сенаторов, председательствовавших в диванах княжеств Молдавии и Валахии // Труды Бессарабской ученой архивной комиссии. – Т. 1. – Кишинев, 1900. – С. 381.

³⁵ **Мохов Н. А.** Формирование молдавского народа и образование Молдавского государства. – Кишинев, 1969. – С. 79.

³⁶ **Клеманово** путешествие в земли Буджакских и ногайских татар. СПб., 1783. – С. 39–40.